

Тимофей Усиков

Лит-ва

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тимофей Усиков

Лит-ва

<https://litres.ru/74215212>

SelfPub; 2026

Аннотация

История скитаний. Эх, как меня поносило. Немного побыл дворником и слесарем на заводе. Сумасшедшее время было, хорошее...

Содержание

Повесть	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Тимофей Усиков

ЛИТ-ВА

Повесть

Тимофей Усиков
ЛИТ-ВА!

повесть с изъятиями

Часть первая

1. «Введение»

Придвижение лиц в сознании. Возвращение — утренний звук, утро как подземелье. Такая грустная морда — губы — ёлочкой. А я забыл про Юру. Запись: «Это называется не за руём нырнуть, это называется — спититься».

Ещё это называется — ссучиться. Синие смурфики. Мой отец — врей. То есть, Врейф. Не дрефь, говорит, говорит, когда ты начтинаешься, начинаешься, то есть, ты, говорит когда: «Ти-рвотик», - так он ласково называл меня от сокращённого — «Додик». - «Когда ты рыгаешься, материшься на кого-то — это, по-настоящему ты, не на Него угаешься, а на кого-то другого — угадаешь, не угадаешь?»

Извилистый у тебя фуй, Лёша. Как быть? Не стоит огорчаться, не стоит горевать. А лучше эту песенку со своей женой-банкиршей пропеть. Под ряд ложится неподъёмная трубка — так друзья обретаются в Раю, как наши с тобою дети, блядь... Лядь, лад, ладьа — так пролетают чижи, жиды-воробы, Апельсинов где-то сочёт пуй, а НеЕм — играет в компьютерные игры. Бегущие по волнам образы — подают идеи. Это тьобанный контакт. Фейс — бук. Росси был итальянец — у него татарские глаза. Деньги всегда выпадают из кармана в поезде.

Джонни Ноксвилль, который стоит и переминается с ноги на ногу. Перед ларьком. Но Я рассказывают передком. Перед кем я стою? Чего я стою? Есть такой фильм - «Магнолия». Снял его режиссёр... Туй знает, как его зовут... Наверное... Есть такой анекдот: «Могу ли я?..» Нет, не тьак. Начинается не так. Чувак ищет зажигалку. Нет... Дед выходит на крыльцо... Я подхожу, и закрывают лицо. Мы с ним гуляли по Москве, я его спрашиваю: «Отчего ты такой худой?» А он мне отвечает: — «Я — кутия». Он мне отвечает: «Ты хоть одного из своих семерых вырастил? Отчего ты такой сладкий?»

Короче, стоят мужики у пик-апа. Разговаривают. Один решил подшутить над другим. Пикап — в лесу. В лесу — шесть часов. Комары летают, мармелад жрут. В лесу жжужжит гнус. Что они там делают — непонятно. Короче, они там водку пьют. Но не только водку. Курят ещё. Я сам курю. В APСе

все курят. Так бывает. Этот сраный тамбак завезли американцы. Во-о-от... В АРСе, кстати, все умывают руки, прежде чем работать.

Чу! Пушки загрохотали. Никогда не понимал — что значит это «чу»? Чукча что ли? Но анекдот не про чукчу. И даже не про дуракаваляние. То есть, да — дуракаваляние. Они в лесу — дурака валяли. Что значит «№дурака валяли№»? Нет, не грибы собирали. Нет, не чурки производили. Допустим, они просто застряли — пикап заводили. И легли на мокрый мох. Наутро им нужно было собираться собрать байдарку. Картошки наварили. А ночь-ка звёздная была!!! Почему бы водки и не попить? И тут один из них решил закурить. Вызвать этих оБАННЫХ табачных. То есть он решил не закурить — приколоться над другом. А друг у него был — грузом. Поэтому стал хлопать себя по карманам. А грусть она — услужливая. Потому что у приколиста встало. Сразу тогда грузный начал рыскать по карманам. Потому что слишком хотел сделать переворот. Тогда другой засмеялся и достал свою зажигалку, закурил сам. Курит-курит, а грузному интересно — чего это он курит? То есть «не чего это он курит», а «о чём это он курит?». А на него возьми да и вырвись фраза-слеза: «Есть такая маза, дружок, что твой пирожок будет тебе всем, если ты увидишь Духа». Тогда пришли табачнухи. Ночка звёздная — бал. Это лесные городовые, они похожи на такси из хлебного мякиша. Посажал друг всех табачных в пикап да и поехал учиться крестиков вышивать.

Было же время ещё, пока байдарка разобрана. Всю клюкву передавили. Мефистофель за рулём, тизер сражён звуками. По дороге спрашивает: «Лошадей любишь? Нет? А феррари?». Ничего не понял грузный. Мы же, говорит, на пикапе едем. А чужой опыт — он вещами. А чем табачнухи не вещи? Приехали на поляну, выпустили всех табачнух по всем сторонам. Давайте, гуляйте, твари! Ну, мякиш тогда и собрался в хлебушек. А лес-то он квадратный, по бокам бежит лесополоса, по ней Щекотиллы бродят — Евангелие проповедуют, а сами глаза косят — говорят: «Мама, почему тебя этот урод обед?» Мама отвечает: — «Какой урод, Генри Миллер?» То есть, не мама отвечает, а Хлебицца. Щекотилла и говорит: «Я Чрекотилла — это не имя собственное, а имя нарицательное. Сам я — Иван Гелий!» Стены леса — рябиновые. Потом идёт осина — взброс. Потом — сосна, корабельная, вглядывается в небо, воображает себе Голландию о том, что никакого Ледникового периода не было. Далее — берёза, поваленная. И посередине наша полянка. Вещи табачнухи чем? «Иван Гелий! Ты — вещь! Я беру тебя с собой!» И понесла она его, пообещав показать в канале, как умирают актёры детских театров; а ему ведь только это и нужно было. Сожрала она его. Злебушек сожрал Щеколотиллу. Ну и превратилась в рок-н-рольную жену-мамочку. Дух. И пришла она обратно к Мейфестофелю и Тизеру.

Мейфестофель, для которого друг был грузом, переспал с ней. И сказал Тизеру, клыкльоый был грузом: «Видишь

— это моя жена, я кончил одновременно с ней». Ебало Тизера сделалось тапком. Потому что он знал, что это Табачнухи из курева. Но себе не желал такой судьбы. Взял тапки — пошёл. Ненавижу...

2. Нужно

Нужно начать без опечаток. С начала. Я оказался в Казани. Мне не нужно было никого увидеть там, я там уже был, мне просто нужно было взять билет, потому что я нёс любовь к вере в себя. Она была передана от моего отца. Мой отец — бывший бобслеист. Когда мне было 6 лет, он посадил меня за руль автомобиля. На 1-ой передаче я набрал под 60 км/ч. Но я совершенно не знал, что мне нужно. С отцом мне жить не хотелось. Мать была занята. В милиции она больше не работала.

Я верил в себя, как в прирождённого архивиста. Я бежал, потому что не знал, как склеить дерево. Прыгал зелёным чаем с ветки на ветку. Это всё из-за наркотиков.

Помню, как мы с Лёшей на рыбалке перевернули лодку. Ему везло больше — он со своим спокойным взглядом, уравновешенными глазами вытягивал рыбку за рыбкой. А мне было жалко рыбок — зачем их ловить? Котика не было, сушить-солить — надо уметь. Да и ездили мы на рыбалку по его инициативе — мне было интересно с ним. Лёша всегда делал всё спокойно, уверенно. Поэтому курить гашиш

плюшками было не комильфо. Мы зажгли его в банке. Целая банка дыма. Теперь Лёша живёт в Казани. Там он нашёл себе красивую жену, но она ему изменяла. Лёша мог это учуять своим носом. Жена была не очень уверена в себе, постоянно спала, такая коротенькая. Но у них были общие вкусовые предпочтения в музыке — они слушали «Четыре с половиной тонны отличного картофельного пюре». Как такая коротенькая жена могла оказаться банкиршей — совершенно непонятно. Поэтому мне он в Казани особо не нужен был. Я бежал от своей темы к своей теме. Это и называется метро.

Главная любовь ведь — это любовь к своему народу. Мой народ и нужен мне был. Поэтому я пошёл работать дворником. Кассы Казанского вокзала располагались на двух этажах. Меня манил кофе-автомат. Очередь за билетом всегда пугала. Это — «А».

По прибытии в Казань. Я совершенно не помню, как там оказался. Конечно, я пошёл по тем же местам, где мы были с Юрой. Нужно было найти квартиру. У меня был ноутбук. В газетах писали, что правительство Казани судится с «Макдональдсом» — на суде демонстрировался чёрствый гамбургер. Как бы спрашивается, почему он не был фиолетового цвета? Целый день я провёл в «Макдональдсе». Мужик подарил дочке планшет — я помог ему разобраться. Два балканских клоуна очень эффектно сидели за барными стульями. В новостях писали, что утром там тусили «ГУССИ РАЙОТ», чтобы устроить правохранительную акцию перед больницей.

То есть — благотворительную. То есть — правозащитную, да. Параллельно я искал работу. Параллельно с тем, как искал квартиру. То есть перед тюрьмой, а не больницей. Квартиру мне найти не удалось так сразу, то есть я нашёл вариант посуточный. Я устал смотреть телевизор, поэтому помогла бегущая среда. То есть — строка. Там был мой иск. Мой иск этому миру — я дворник.

Как сказала Юрина подруга, когда мы выпивали вермут рядом с гигантским казаном, а я пытался заманить её в эту квартиру, чтобы переспать, я поселился в самом криминальном районе. Но ничего. Пускай. На два дня или навсегда. Я сам — криминал. Криминальный дворник. Щётка зубная мне была не нужна. Потому что там, где я оказался через два дня, я совсем не предполагал. Есть такие неизвестные драматурги. Есть такие бабушки в церквях, которые пьют чай у чемодана. Есть такие напоминания о разделении школы и университета, есть такие упоминания о разделении жизни и жизни, когда старые иконы и когда новые святые, хотя если дронишь — не значит любишь, потому что нет равных. Нет! Они есть! Говорит Лёша, потому что помнишь, как светился тот фонарь над предбанником, говоря о тех возможностях, когда всё это идёт в гору — такую гору, что ты сам хочешь всего лишь одной молчащей возможности попадания в эти странные языки, которые находятся, когда совершаешь нечто совершенно невозможное, например, как касается сперма в сметане твоего языка, случается это за глаза,

которые ты не можешь услышать. Вообще никакие глаза не случаются.

Сырость была вполне приемлема — даже благотворительна. Ты никому ничего не должен. Пройди до конца улицы Петербуржской, чтобы увидеть, когда же, наконец, свершится то, что какая-нибудь под, на, за снегом покажет свой зад. Было бы восхитительно, но ты смотришь на её лицо в интернете, расплавленное по множеству вечно-пламенеющих следов. Типа столовой с пирожками. Типа того, как они подъехали парочкой, такой странной и деловитой — что там может быть такого важного в том, что я въезжаю в квартиру?

Самый криминальный район был приятен близостью к Казанке. Оттуда и начались эти фиолетово-зелёные приключения с надписями на стенах. Прогуливаясь там среди звенящих льдинок.

И оказываясь перемещением от Москвы к Казани, я вспоминаю опять ту баню, как Лёша вышел и ссал посреди дороги, рассказывая. Потому что был перекрыт таблеткой и не рассчитывал ни на что, кроме своей баранки, которая везла весь русский лес, изрезанный тряпкой, сигнализирующей о падении комеля, чтобы снова низко наклониться и увидеть, что никогда ты ниже не наклонишься — ну и как бы подделом тебе.

Я ждал звонка и его дождался. Меня переспрашивали, устраивает ли меня улица Дубравная? Там живёт женщина, которая принимает только мужчин.

Были в моей опочивальне последние сигареты, паллеты, штукатурка, газета «Метро».

Это был отворот к улице под именем татарского драматурга, от лестницы ведущей выше к церкви с самоваром. Куда мы заходили с Юрой, что его очень умилило. Нужно было купить свечи или зажигалки, чтобы было понятнее, о чём тут идёт речь. (О подвале.)

Добраться до улицы Дубравной — это было приключением. Жутко хотелось курить. Народ был превращён в дальнобойщиков. Никто не мог подсказать, где заканчивается переход. Человек в красной куртке и чёрной кепке. Бегущая строка — я ждал, потому что по телевизору было объявлено, что на улице Юлиуса Фучика требуются дворники. Второй этаж. Все остальные сидят в помдвале.

Приёмная депутата. Станные вопросы. Биография. Архивариус. Неумение рассказывать сказки.

Здравствуй, мой дорогой! У входа — календарик со святителем Николаем. Следующий раз ты мне купишь губки для посуды. Тут жил мой сын. До потолка пыль. До потолка телефон, радио, распределённые документы дочери-юристки. Или сына — я не помню, так же, как непонятно, кто жил в комнате-зале с ёлкой.

Целый день я бродил в поисках ёлки. Спилить её около Министерства Финансов. Стемнело. Жертвой стал какой-то провинциальный театр.

Немного салата. Программа «Голос» по телевизору... Мне

направилась пряничность. Советы бродяги о том, что уже скоро совсем встанет лёд.

Роба мне понравилась. Беременный мастер Людмила. Трансформатор напротив здания. Поле факультативной и поле обязательной уборки. Сосед-чукча. Курю — только когда пью, говорит.

Дни — каждый день мимо картинки. Как сказали две лесбиянки, мимо которых я проходил: хорошая фотография.

Как хорошая фотография, сделать себе перочинный нож в подарок. Я в следующий раз загляну. Можно парить репу. Ей нужно купить духи.

Следы водки около школьного забора.

3. Казань / Прошное / Казань

Сегодня я должен вычистить хорошенько первый подъезд, потом перейти ко второму, потом перейти к третьему, потому перейти к четвёртому, потом попросить, чтобы та бабка в окне, рассказывающая о-том, чтобы не поломать розы, мужику, поглядывающему с балкона, как за ними ухаживает толстяк, здоровающийся с парочкой, в которой очкастый прогуливает собачку, чтобы вчера мне взять ключик на каждом этаже, добравшись до последнего, чтобы стену дома замыкали две старухи: внизу сумасшедшая с батоном, наверху — с лекарствами и сыном. А ведь на четвёртом этаже есть ещё столярка, на пятом сложены коробки и валяется мешок

для цемента, который пригодится на шестом, чтобы не без удовольствия собрать ординарный мусор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.